

ИСТОРИЯ КАК ПРЕДЫСТОРИЯ ФЕНОМЕНА ЛИЧНОСТИ

В тезисах раскрывается взгляд на эволюцию структуры личности от древнейших времён до современной информационной эпохи. В рамках общего подхода Лакана к структуре «Я» предлагается рассмотреть разные типы самоидентификации в истории. Автор утверждает, что современная структура личности формируется в рамках протестантизма и будет изменяться под влиянием технологий нейроинтерфейса.

Ключевые слова: личность, нейроинтерфейс, тотем, протестантизм, персона.

E.S. Shushakov, Togliatti State University

HISTORY AS PREHISTORY OF THE PHENOMENON OF PERSONALITY

The theses present a view on the evolution of personality structure from ancient times to the contemporary information era. Within the framework of Lacan's general approach to personality structure, it suggests considering various types of self-identification throughout history. The author claims that modern personality structure is formed within the framework of Protestantism and will continue to develop under the influence of neuro-interface technology.

Keywords: personality, neuro-interface, totem, Protestantism, person.

Универсального описания взаимосвязей таких категорий как «сознание», «психика», «я», и «личность» не существует, однако для наглядной иллюстрации взаимосвязи личности и общественных структур подойдёт подход Ж. Лакана, утверждающего, что в современном обществе принципиального отличия между конституированием личности туземца Бороро и современного человека нет. Разница лишь в предмете, с которым соотносится «я» для создания образа самоидентификации: у туземца это попугай, у современного человека это его отзеркаленное я, наделённое символическим, социальным значением [1, с. 89–90]. Так называемая «стадия зеркала», предшествующая оформлению регистра «Воображаемого», характеризуется расщеплением единого прото «я» регистра «Реального» на подлинное, интимное и сокрытое «я» и его зеркальное отражение, которое и есть основа самоидентификации. Однако конструкция из двух «я» вполне устойчива,

если дискурсивные практики не нарушают их взаимодействие через третье, идеальное «я» регистра «Символического». Оно то и представляет собой тот самый тотем, который ассоциируется с зеркальным «я», как бы окончательно отрешая его от «я» регистра «Реального». В идеале установленное единство «я» двух первых регистров (можно назвать это основой самосознания) должно противопоставлять себя «я» идеальному, не позволяя себя разрывать [2, с. 135].

Эмиль Дюркгейм, описывая жизнь австралийских и североамериканских племён, указывал на полную социализацию всех сторон их жизни. Например, они представляют саму структуру мира подобной структуре их поселения, делят пространство на участки, сопоставимые с участками кланов племени и т. д. [3, с. 63]. Уровень регистра «Символического» на этом этапе крайне низок, хотя кажется, что раз всё в мире воспринимается через единую общественную структуру, обозначенную в сакральном и профанном, регистр «Символического» тотально определяет общественную жизнь. Но это иллюзия, потому что сама культура крайне бедна и её воспроизводство связано не с господством дискурсивных практик, а с прямой необходимостью жить так, как жили предки, потому что это было основой выживания. В сакральном первобытнообщинного общества Дюркгейм видит лишь одну функцию – единство самой группы. Те, кто принимает племенное разделение мира на сакральное и профанное, идентифицируются как члены клана.

При определённом усложнении культуры регистр «Символического» и регистр «Воображаемого» вступают в более сложное взаимодействие в доклассовых обществах, во многом дискурсивные практики уже более структурно и предметно очерчивают структуру личностного «я», но при этом существует большой простор для его изменения, и во многом вся культура состоит из правил и ритуалов по изменению личности. Это может быть связано с изменением социального статуса субъекта, его возрастом, гендером, изменением рода занятий и т. д. Наиболее чётко это прослеживается у следующих народностей: Насионы, Догонны, Чукчи, Анга и других. Специфика заключается в том, что в этих народностях после инициации субъект будет говорить о своих прошлых действиях в третьем лице. Он «прошлый» для себя «нового» теперь иной, другой субъект. Такое изменение личности может происходить несколько раз за жизнь и зачастую подразумевает полное умирание старой социальной личности. На этапе близком к разложению первобытнообщинного уклада социальная личность и сознание субъекта в едином не слиты и зачастую возможна полная смена своей идентичности, но в рамках определённой иерархичной общественной структуры, символизирующей единство общества (тотем). Помимо тотема, также интересен опыт шаманизма,

предполагающий, что в рамках тела и подконтрольной сознательному «я» психики обитают подконтрольные шаману «духи».

Последняя тенденция в раннеклассовых обществах получает своё дальнейшее развитие. Личность, уже формально единая, состоит из независимых сущностей, к которым в рамках разных ритуалов происходит обращение. Человек есть лишь синтез разных духовных субстанций. Наиболее чётко это выражено в египетской религии, где «Я» выступала в пяти независимых ипостасях, дополняющих друг друга: Ба – «душа-птица», подвижная часть; Ка – «двойник», жизненная сила; Ах – «сияющий» после смерти, идеальное посмертное соединение Ка и Ба, Я-идеал регистра «Символического», Шут – тень, Рен – имя. Последнее в сухом остатке и есть символическая личность человека. Остальные ипостаси личности есть разные самоидентификации «я» сознания. Ба – «я» воображаемое, строящее иллюзию, Ка- реальное, Ах – «я» идеальное, шут – слишком запретное для ритуалов (поэтому есть ритуалы для его подавления), объект «а». Тотемическая структура самоидентификации тут расслаивается, создавая иллюзию множественности тотемов для существующих одновременно самоидентификаций, однако при такой гибкости усиливается символический порядок их контроля, что, разумеется, связано с развитием классового общества. В более простом виде такая структура личности свойственна многим другим ранним языческим верованиям и мистическим традициям. До появления монотеистических традиций самым большим исключением из этого ряда являлся брахманизм (переросший потом в классический индуизм), где душа имела скорее форму «луковицы», где всеведущее сознание Атмана-Брахмана находится в центре, а остальные ипостаси души, это тот же самый центр луковицы, но обросший психикой, социальными ролями, телом и т. д. Перерождение в индуизме можно трактовать как привязку «я» воображаемого к социальной индентификации, то есть к принятию общественно возложенной функции.

Концепцию личности в ранней монотеистической культуре можно рассмотреть на представлении о «персоне» Августина Блаженного. Персона – это то, что в человеке является слепком божественного. Образ божий – это личность. Тотемическая структура как религиозная общность тут остаётся такой, как и во всех предыдущих формах организации личности. Меняя религию в средневековом обществе, с очень большой вероятностью человек менял и личность. Церковь как организационная структура определяла его социальную роль как христианина в первую очередь. То есть несмотря на уже тотально выстроенную и однозначно устоявшуюся цепочку взаимоотношения Я-самосознания и Я-Символического, она работала только в рамках определённых социальных отношений. Так же и

внутри религиозной традиции могли существовать институты, в какой-то степени, менявшие структуру личности и пересоздающие субъекта.

Современный субъект появляется в реформацию. Утверждение о спасении только верой на основании понимания библии собственным прочтением, только через Иисуса Христа как единственного посредника (минуя церковь), создаёт систему, в которой Символическое не внутри системы сакрального и не на её границах, оно выше. «Я» как абсолютный субъект выбирает веру как своё понимание библии, по сути создавая для себя мировоззрение. Получается обратный пример с первобытным строем. «Я» одно, оно не изменяемо, оно не имеет внутри себя каких-то частей, оно цельно и монолитно. «Я» выступает наблюдателем в теле. Наблюдателем, выбирающим в том числе и как ему мыслить, и во что верить. Ярче всего это выражено в кальвинизме, где доктрина предопределения создаёт для верующего следующую задачу: определить спасён ли он. Однако здесь и заключается иллюзия этого автономного «я», так как сам субъект не в состоянии понять избран ли он, он может это определить по своей реализации в обществе. То есть абсолютное «я» создаёт внешний от себя критерий самоопределения себя как «я» идеального – это финансовый успех в деятельности. Важно подчеркнуть, что эта концепция появилась не у самого Кальвина, а позже, но она хорошо снимает тревогу об отсутствии спасения. Финансовое благосостояние – это объективный параметр, он не может зависеть от интерпретации абсолютно субъективного «я», от личных логических доводов, от собственного желания.

Диалектика истории такова, что в будущей посткапиталистической формации регистр «Символического» скорее всего будет снят. Само развитие информационных технологий, таких как технологии нейроинтерфейса уже вплотную приближают новый тип передачи информации – невербальный. Известен случай сестёр Хоган, имеющих общий таламус, каждая из которых буквально способна чувствовать то же самое, что чувствует другая [4]. Это ещё не передача сложных концептуальных мыслей, но это подтверждает, что возможна физическая передача эмоционального состояния, аспекта так называемой «квалиа». Уже есть примеры технологий, позволяющих передавать короткие мысли на расстоянии или управлять дистанционно движениями другого человека. Но самая потрясающая возможность – это не просто обмениваться невербально мыслями, а испытывать и понимать состояние другого. В таком случае вопрос о коллективном сознании встаёт на повестку дня. Однако просто технических возможностей науки для этого будет недостаточно. Самое главное – это изменение специфики социальных отношений. Структура личности, сложившаяся в раннее новое время, сейчас основывается на своём материальном подспорье в виде необходимости субъекту

оставаться единой личностью во всех формальных инстанциях капиталистического общества, человек должен быть носителем социальной функции как обладатель капитала, имущества, ведь они все формально привязаны к одной личности, для передачи их он должен выступать как та же самая личность, которая их приобрела. Модель нуклеарной семьи также предполагает единство личности родителя всё время взросления ребёнка. Это лишь малая часть социальных функций капитализма, зависящих от психически социального единства личности. Готов ли современный человек отказаться от регистра «Символического» для возвращения своего «я» воображаемого к регистру «Реального»?

Список литературы:

1. Lacan J. *Le Séminaire, Livre VIII: Le transfert (1960–1961)*. Éditions du Seuil, 1991. 256 p.
2. Купарашвили М.Д. В сумерках незавершённых значений Жака Лакана // *KANT*. 2022. № 4 (45). С. 126–141.
3. Дюркгейм Э. *Элементарные формы религиозной жизни*. М., 2018. 808 с.
4. Carson B., Bodensteiner J. Craniopagus twins: Neuroanatomical and surgical challenges in the case of Hogan sisters // *Journal of Neurosurgery: Pediatrics*. 2010. № 6 (3). P. 123–135.